

этомъ мой удѣлъ!...» *)—такъ или почти такъ могъ формулироваться тогда, въ эту эпоху, въ каждомъ поэтѣ и художникѣ, артистѣ или просто способной, даровитой и чуткой натурѣ человѣка ихъ «высокомѣрный мятежъ», ихъ «съ небомъ гордая вражда»... Впослѣдствіи, какъ въ поэзіи, такъ и въ жизни «эпидемія» эта размѣнялась на мелкую монету всевозможнаго рода «эстетическихъ» печалей, апофеоза несчастія, соблазнительнаго фатализма, видящаго, источникъ этого несчастія вѣ въ индивидуума, а не въ немъ самомъ, въ его собственной винѣ (взглядъ *этический*; благодаря ему даже Лермонтовъ, этотъ лучшій русскій представитель «высокомѣрнаго мятежа» могъ иногда говорить:

...Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ!...)

Съ «трагическихъ поэтовъ» манія эта перешла въ жизнь, давъ начало цѣлому ряду безчисленныхъ «трагическихъ героевъ», тѣшавшихся своею скорбью, ужасавшихъ міръ однимъ ея именемъ, и «боясь лишиться ея, ежедневно ее выкладывавшихъ...»

Кн. Андрей, такимъ образомъ, отдаетъ только дань этой эстетической привычкѣ вѣка своего. Онъ искусно носитъ маску эстетической разочарованности,—онъ, который еще ничего въ жизни не испыталъ, не жилъ и не любилъ!... Вотъ почему, пска онъ возится съ своею «печалью»,—*радость* уже подкарауливаетъ его изъ-за угла и захватываетъ въ распахъ его «разочарованность:» такъ, первое же столкновение его съ вѣтринной дѣвочкой (Наташей Ростовою) обнаруживаетъ всю искусственность, призрачность и «эстетичность» панушенныхъ имъ на себя quasi-опытности, разсудительности и разочарованности... Разочарованность, вѣдь,

*) Ж. Зандъ: «Письма путешественника».